

ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ КАЗАЧЕСТВА ЮГА РОССИИ О НАЦИОНАЛЬНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОМ ЕДИНСТВЕ В ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. Гражданская война 1918–1920 гг. сопровождалась всплеском образования самопровозглашённых государств. Интересными с точки зрения особенностей организационно-правовых проявлений автономизма и сепаратизма стали такие новообразования, как Всевеликое войско Донское и Кубанская народная республика. Возникнув на территориях соответственно Донского и Кубанского казачьих войск, эти формы самоорганизации казачьего населения отражали в основном две тенденции – автономизацию (Дон) и суверенизацию (Кубань). Наименее склонно к какому-либо политическому обособлению было Терское войско.

Роль объединительного центра, которую приняло на себя командование Добровольческой армии (позднее – Вооружённых сил Юга России), выражалась на практике в достаточно непоследовательной политике подавления сепаратистских поползновений. Неудача политики воссоздания национально-территориального единства Российского государства по идеологемам «белой России», помимо военных и экономических причин, объясняется отсутствием четкой и последовательной стратегии государственно-правового развития, определение которой откладывалось до победы над большевиками.

Ключевые слова: национально-территориальное единство, автономизм, сепаратизм, Всевеликое войско Донское, Кубанская народная республика.

F. S. Sosenkov

*Lobachevsky state University of Nizhny Novgorod
Nizhny Novgorod, the Russian Federation*

POLITICAL AND LEGAL VIEWS OF THE COSSACKS OF THE SOUTH OF RUSSIA ON NATIONAL AND TERRITORIAL UNITY DURING THE CIVIL WAR

Abstract. The civil war of 1918–1920 was accompanied by a surge in the formation of self-proclaimed States. Such new formations as the all-great don army and the Kuban People's Republic became interesting from the point of view of the features of organizational and legal manifestations of autonomism and separatism. Having emerged on the territories of the don and Kuban Cossack armies, respectively, these forms of self – organization of the Cossack population reflected mainly two trends – automatization (don) and sovereignization (Kuban). The least inclined to any political isolation was the Terek army.

The role of the unification centre, which was assumed by the command of the Volunteer army (later – The armed forces of Southern Russia), was expressed in practice in a rather inconsistent policy of suppressing separatist aspirations. The failure of the policy of reconstruction of national and territorial unity of the Russian state's ideology of «white Russia», in addition to military and economic reasons, due to the lack of a clear and coherent strategy of state-legal development, the definition of which was postponed until the victory over the Bolsheviks.

Key words: national-territorial unity, autonomism, separatism, All-great don army, Kuban People's Republic.

Революционные события 1917 г. и последовавшая вскоре за ними Гражданская война 1918–1920 гг. (по некоторым датировкам – 1921 и даже 1922 гг.)

явились серьезнейшим испытанием российской государственности на прочность. На прочность проверялось прежде всего национально-территориальное единство Российского государства, понимаемое как территориальная целостность, обусловленная балансом центробежных и центростремительных внутривнутриполитических течений. В южной части России, в которой боевые действия не утихали на протяжении всего рассматриваемого периода, возникали в условиях отсутствия единой легитимной власти различные государственные образования, претендующие на суверенитет или, по крайней мере, на широкую автономию в рамках будущего антибольшевистского государства. Роль объединительного центра не всегда, впрочем, успешно пыталась играть Добровольческая армия (впоследствии – Вооруженные силы Юга России) во главе с А. И. Деникиным. В рамках данной статьи постараемся решить, в том числе на основе архивных данных, следующие научные задачи: проанализировать и сопоставить воззрения лидеров трех войск южного казачества (донского, кубанского и терского) на проблему единства России, а также соотнести выявленные политико-правовые установки с позициями белогвардейского командования.

Казачество Юга России, вовлеченное в водоворот революционных событий, изначально не проявляло сепаратистских тенденций, но было традиционно склонно к некоторому обособлению. Данная черта была выражена исторической поговоркой: «Живи казак, пока Москва не узнала. Москва узнает – плохо будет» [1, с. 167; 2, с. 35–41; 3, с. 58–64]. В этой связи резолюция Всероссийского казачьего съезда, проходившего в июне 1917 г., учитывала и стремление к государственному единству, и склонность к автономии: «Россия должна быть неделимой демократической республикой, с широким местным самоуправлением» [4, с. 443]. Особое отношение казачества к проблеме национально-территориального единства России связано с неоднозначной оценкой себя в этническом плане. Определенная часть казаков выделяла себя в рамках русского народа, а то и вовсе отделяла себя от него. Нет полной ясности в этом вопросе и в настоящее время: часть ученых «не отказывает» казачеству в особой этнической идентификации. К примеру, исследователь истории государственных форм организации казачества Е. И. Дулимов определяет последнее, как «субэтнос с общинным ведением аграрного хозяйства с коллективистскими (круговыми) традициями самоуправления» [5, с. 5]. Ученым О. И. Копаневой отмечено, что казачество долгое время обладало признаками субэтнуса [6, с. 11–12], а с начала 90-х гг. XX в. «в России проводилась активная работа по возрождению казачества как «самостоятельной этносоциальной группы» [6, с. 4].

Попытаемся проанализировать основные направления представлений казачества Юга России относительно национально-территориального единства страны, особо выделив позиции политических лидеров казаков. По характеристике командующего Добровольческой армии А. И. Деникина избранный 18 июня 1917 г. Войсковым Кругом Донского Казачьего войска Донским Войсковым Атаманом генерал А. М. Каледин (1861–1918 гг.) был убежденным сторонником идеи единства России и в то же время горячо любил Дон. В этой связи атаман «мог идти к общерусским национальным целям только вместе с Донским войском, только возбудив в нем порыв» [1, с. 167]. Об отсутствии у первого руководителя Всевеликого войска Донского А. М. Каледина склонности к сепаратизму говорит и тот факт, что в первое время после Октябрьской революции власти Донского войска пытались наладить связь с бывшим Временным правительством. И только после того, как стало ясно, что правительства не стало, по свидетельству того же А. И. Деникина, «Каледину поневоле приходилось на Дону принимать функции центральной власти» [1, с. 174]. Сам атаман, выступая 30 декабря 1917 г. на съезде, заявлял: «Не признав власти комиссаров, мы принуждены были создать государственную власть здесь, к чему мы никогда раньше не стремились. Мы хотели лишь широкой автономии, но отнюдь не отделения от России» [1, с. 176]. Подобная позиция подтверждается и рядом других свидетельств. Так, встречаясь

с представителем немецкого командования, на вопрос о позиции донцов в отношении государственной независимости казаки ответили: «Мы признаем себя частью России, но не признаем большевицкого правительства» [1, с. 335].

В целом политическая элита донского казачества не склонна была ратовать за отделение от России и образование самостоятельного государства, но с готовностью отзывалась на проекты федерализации России. Так, обсуждая инициативу Кубанской народной республики об образовании Юго-Восточного союза, Донской «большой круг» признал «федерацию, как принцип, как идею, на основании прошлого исторического опыта зарождения и существования казачества желательной» [1, с. 185]. Вместе с тем «большой круг» выражает желание, чтобы планируемое устройство «в то же время оставило бы ненарушенной тесную связь частей с целым, не поколебало бы единства и силы России» [1, с. 185]. А. И. Деникин видит в этом явное противоречие и соединение двух начал, что, видимо, характерно вообще для казачества южной России того периода: «смешались начала государственно-охранительные и центробежные; стремление сохранить от разложения более устойчивую часть в интересах целого и желание использовать государственную смуту в интересах чисто местных» [1, с. 185]. Это заметно и в различных программных и декларативных документах казачества, в которых наряду с различными автономистскими позициями высказываются идеи о воссоздании единого государства [7, с. 536–538]. Высказывалось также мнение, что казаки имели «весьма смутное представление о Родине в широких всероссийских рамках» [1, с. 423]. Вместе с тем, приветствуя кубанских казаков, донцы приветствовали Кубань, которая «совместно с Доном борется за возрождение нашей великой мученицы – родины» [1, с. 426].

3 мая 1918 г. «Круг спасения Дона» избрал атаманом П. Н. Краснова (1869–1947 гг.). В отличие от своего предшественника, новый атаман, как видно, был более склонен к государственному обособлению. Так, он поставил в качестве условия принятия атаманства принципиальное положение, введенное в Основные законы Всевеликого войска Донского первым пунктом: «Власть управления войском во всем ее объеме принадлежит Войсковому Атаману в пределах всего Всевеликого войска Донского» [1, с. 418].

Уже на следующий день после избрания Краснов обращается, «как равный к равному», с письмом к германскому императору Вильгельму. В данном письме он призывает «признать право Всевеликого войска Донского на самостоятельное существование (выделено у А. И. Деникина – Ф.С.)» [1, с. 430]. Также в мае 1918 г. между Доном и Кубанью было заключено соглашение, направленное на «обеспечение на будущие времена политической и экономической свободы и независимости народов, населяющих Донскую и Кубанскую области» [1, с. 431]. 9 января 1919 г. П. Н. Краснов писал генералу А. М. Драгомирову (1868–1955 гг.): «На земле Войска Донского не может и не должно помещаться ни одно из учреждений общерусских. Это требование автономии Войска...» [8, с. 76].

В письме к генералу А. С. Лукомскому 22 августа 1918 г. А. И. Деникин отрицал известные ему факты отрицательного отношения донских лидеров к объединительным действиям Добровольческой армии и её претензиям на лидерство в борьбе против большевиков: «...отношения к Армии Атамана были всегда совершенно отрицательными...звучит оскорбительно его фраза «частное предприятие». Так названо освобождение Добровольческой Армией трех русских областей и задонья»¹. Такая позиция руководства Всевеликого войска Донского могла быть вызвана исключительно желанием самостоятельности от патроната А. И. Деникина,

¹ Переписка с Деникиным А.И. о работе особого Совещания при Главнокомандующем вооруженными силами на Юге России, о взаимоотношениях донского казачества и Добровольческой армии, о книгах Деникина А.И. «Старая армия» и «Очерки русской смуты» и по другим вопросам. Комментарий Лукомского к переписке. Подлинники // Государственный архив Российской Федерации. — Ф. Р 5829. — Оп. 1. — Д. 7. — Л. 1.

в том числе и в государственном строительстве. Как вспоминал впоследствии в 1937 г. генерал А. С. Лукомский, белогвардейскому командованию было чрезвычайно важно удержать Всевеликое войско Донское в орбите своего политического влияния, создавая модель возрождаемой России. В противном случае центробежные тенденции целиком возобладали бы на юге России: «К позиции, занимаемой ген. Красновым, как атаманом войска Донского внимательно присматривались различные Кубанские деятели и было несомненно, что если Дон отстоит свою независимость..., по его пути несомненно пойдет Кубань, а впоследствии и Терек»².

Вместе с тем лидерами донского казачества было признано также необходимым «создание на юге России прочного государственного образования на федеративных началах» [8, с. 431], а самое удивительное, что мыслилось это, «дабы ныне разрозненные части России могли явить более могущественную политическую силу» [8, с. 431]. Складывается впечатление, что сепаратистские намерения маскируются общероссийской риторикой. Отчасти эти уточнения о стремлении воссоединить российские земли обращены к командованию Добрармии, частью также – к рядовой казачьей массе, дабы не отпугнуть разрывом с хоть и смутно иногда воспринимаемой, но общей Родиной.

Не был лишён П. Н. Краснов и претензий на лидерство в рамках «белого» движения Юга России вообще. В этой связи он публично высказывал мысли о государственном единстве России. В частности, он в качестве «верховного вождя Южной Российской армии» изъявлял готовность освободить Россию от большевиков и занять Москву [1, с. 513]. В сентябре 1918 г. Краснов обращается с письмом к генералу Алексееву, в котором, кроме прочего, указывает: «Полное объединение Дона и Кубани, связанных общими интересами, послужило бы к началу воссоздания единой и неделимой России» [1, с. 658]. Как обеспечительные меры Краснов предлагает создание общих министерств, в том числе финансов, путей сообщения, продовольствия, юстиции, а впоследствии – иностранных дел, морского, военного [1, с. 685].

Централизм в гораздо большей степени был свойственен третьему атаману Всевеликого войска Донского генералу А. П. Богаевскому (1872–1934 гг.). В письме генералу Деникину от 2 октября 1919 г. А. П. Богаевский заверяет: «...Если бы Дон изменил матери-России, я швырнул бы атаманский пернач (символ атаманской власти – прим. Ф.С.) в лицо своему преемнику, который повел бы мою Родину на самоубийство ... Не верьте сплетням и будьте справедливы к Дону...» [8, с. 594]. Достаточно корректно высказывались о государственном будущем России и представители атамана, в частности И. П. Брагин, в ходе Южно-Русской конференции, проходившей в Новочеркасске, подчеркивал возможность унитаризма с элементами автономии: «Создание центральной власти унитарного государства является делом одновременным и неотъемлемым от дела местных сил по укреплению государственного и гражданского миропорядка и благосостояния населения, на которое простирается юрисдикция местной краевой власти. Достижение обеих целей должно быть одновременно и реально»³.

Донское казачество в общем признавало единоличную власть А. И. Деникина, вместе с тем сопровождало это такими оговорками, которые, по выражению генерала, превращали ««единство» в федерацию, диктатуру – в чистейший парламентаризм» [8, с. 611]. Так, тот же лояльно настроенный к идее государственного единства России атаман Богаевский заявляет о недопустимости принципа октроирования прав автономии Дону при воссоздании общего государства: «Дон сам

² Переписка с Деникиным А.И. о работе особого Совещания при Главнокомандующем вооруженными силами на Юге России, о взаимоотношениях донского казачества и Добровольческой армии, о книгах Деникина А.И. «Старая армия» и «Очерки русской смуты» и по другим вопросам. Комментарии Лукомского к переписке. Подлинники // Государственный архив Российской Федерации. — Ф. Р 5829. — Оп. 1. — Д. 7. — Л. 77.

³ Материалы к заседанию Новочеркасской сессии по вопросу об автономии // Государственный архив Российской Федерации. — Ф. Р 324. — Оп. 1. — Д. 23. — Л. 54а.